

К Р О К О Д И Л

Вождании второго открытия

Письмо татарского сатирического журнала «Чаян»

Уважаемый Крокодил!

Пишет тебе «Чаян» из Казани. Хочу рассказать о житье-бытье татарских нефтяников в наших новых городах. Недавно, к примеру, в их культурной жизни произошло крупное событие. К ним прибыла Анна Кузнецова, сильнейшая, как сообщали афиши, женщина всех континентов. Богатырская дама запросто поднимала на палке двух ассистентов или кого-либо по выбору публики. Она выжимала штангу, подбрасывала кверху трёхпудовые гири и с ходу принимала их на свой перманент.

Наряду с дамами, ближайшими родственниками покойного Геракла, посёлки нефтяников посещают гипнотизёры, маги, чародеи и другие не менее экзотические представители эстрадного племени диких. Не видят здесь только подлинных мастеров искусств Москвы, Ленинграда, Свердловска... Объясняется это тем, что на карте гастрольных поездок, планируемых Министерством культуры РСФСР, новые города Татарии никак не обозначены.

О существовании этих городов смутно догадываются и деятели кинопроката. Быть может, поэтому сюда, как правило, засылают фильмы, которые пожилой московский или казанский зритель видел на заре своей юности. Да и кинотеатров непростительно мало. Нужно обла-

дать поистине лотерейным счастьем, чтобы попасть в кино в Бугульме, Альметьевске или Новой Письманке.

— А вы думаете, в баню легко попасть? — жаловались «Чаяну» жители посёлка Павловки. — За лёгким паром надо ехать на паровике в другой город.

— А на футбольные матчи — в другую республику, в Уфу! — отзывались многочисленные болельщики.

— Что, стадион? — вскричали бугульминцы. — Стадион — дело не шуточное. У нас даже сносной пошивочной мастерской нет. Единственное приличное ателье находится в Новой Письманке. Изволь на примерку ездить за десятки километров!

Далее последовал грустный рассказ о прославленном экспрессе № 61 Казань — Бугульма. Чудо-поезд преодолевает трёхсоткилометровый путь за двадцать шесть часов. Чуть более десяти километров в час. Чумацкие обозы, и те, кажется, двигались быстрее...

«Чаян» выслушал все эти справедливые жалобы, нарекания и спросил:

— А как Министерство нефтяной промышленности? Оно-то знает о вашем существовании?

— Ещё бы! Знает и даже до некоторой степени гордится нашей производственной деятельностью. Недавно министерство решило собрать у нас свой технический совет, чтобы на месте решить важнейшие производственные вопросы.

— Ну, и как? Собрались?

— В Уфе... А что поделаешь, если в новых городах Татарии не оказалось ни подходящего помещения, ни гостиницы, ни ресторана, ни столовой?

После этого стоит ли удивляться, — продолжали нефтяники, — что для многих других министерств мы являемся «белым пятном». Мы должны огорчить наших первооткрывателей. Города нефти требуют второго открытия. Нужна комплексная экспедиция. Пусть в неё войдут железнодорожники, коммунальщики, работники культуры и многие другие!

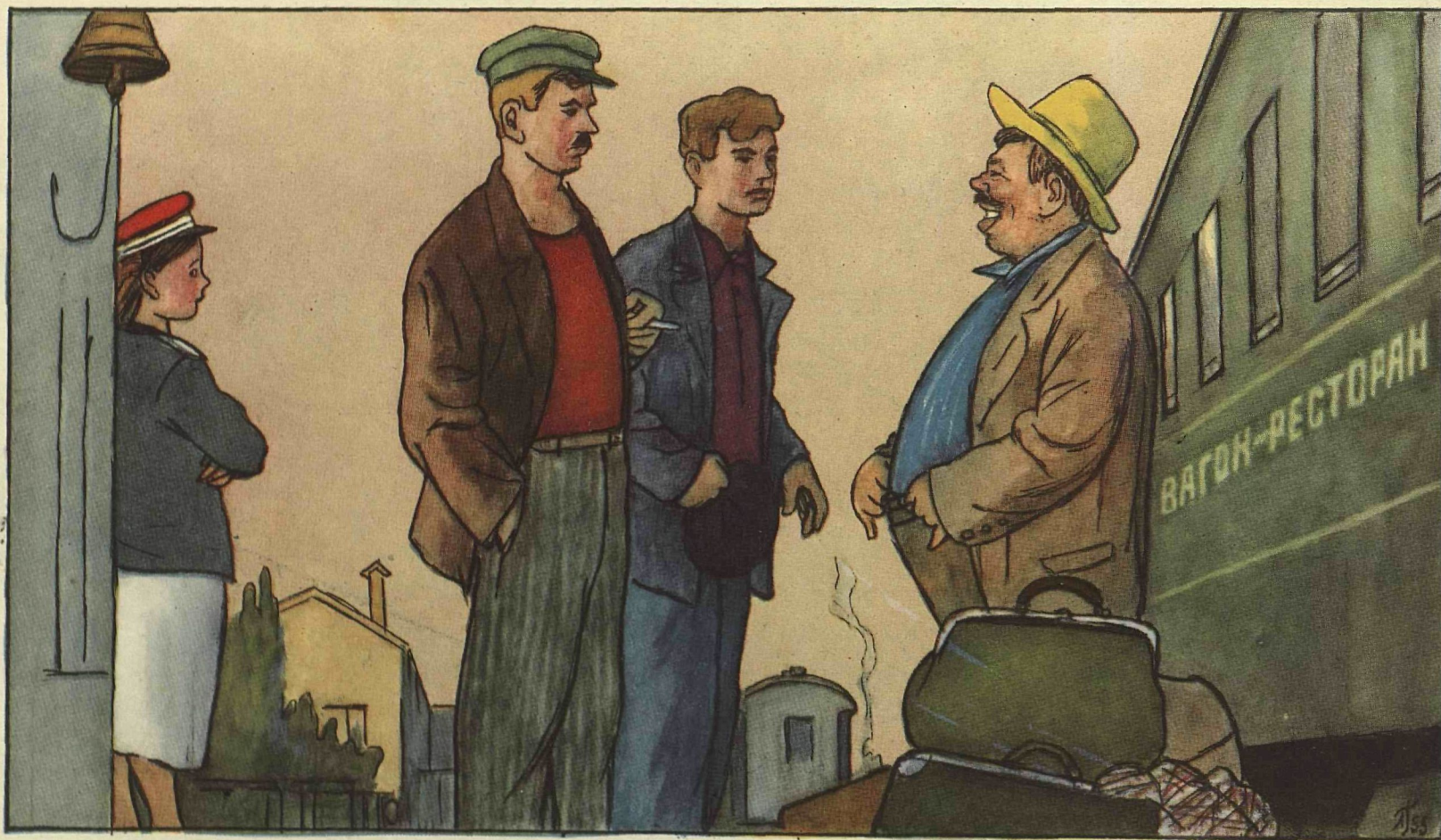
Дорогой Крокодил, нам оставалось только согласиться с нефтяниками Татарии.

Итак, они с нетерпением ждут своих второткрывателей. Если экспедиции понадобятся точные координаты новых городов нефти, мы незамедлительно сообщим. А пока привет и наилучшие пожелания.

Твой собрат «ЧАЯН».

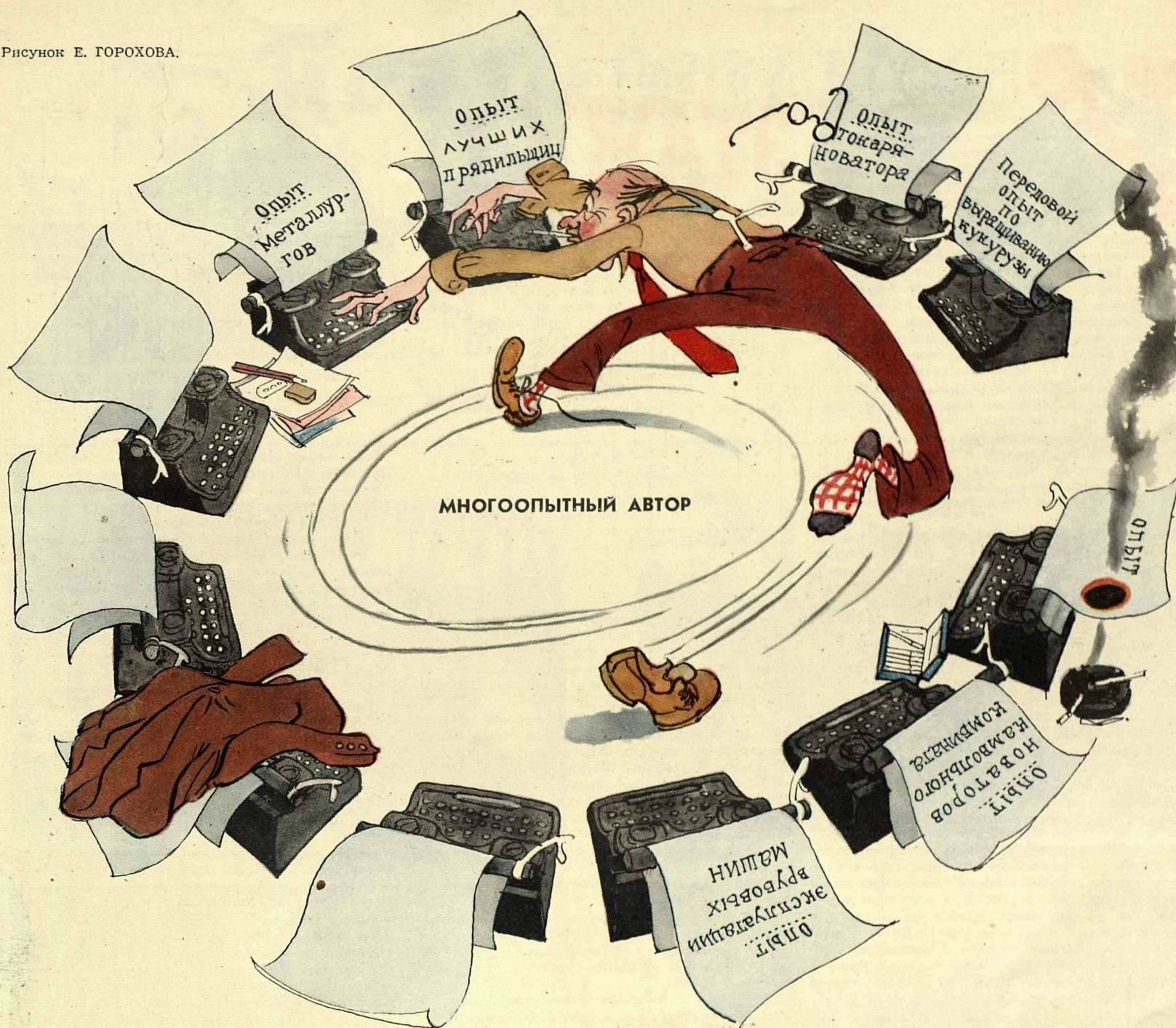
С СЕЛЬХОЗВЫСТАВКИ ВОЗВРАТЯСЬ...

Рисунок Л. ГЕНЧА.

Многие экскурсанты не используют посещение ВСХВ для изучения опыта работы передовых сельскохозяйственных артелей.

— Ну, как там цыплята?
— Цыплята там, брат, исключительные! И поросята замечательные! Вот о барашках ничего рассказать не могу: в чайхане был всего раз, не распробовал.

Мастер Свистунов обошёл со всех сторон паровоз, постучал ногой по колесу и распорядился:
— Созвать народ! Снимать дышла будем!

Кряхтя и отдуваясь, ремонтники изо всех сил налегали на ваги, ломы и другую немудрёную технику.

Каждый раз, когда требовалось снять или поставить на паровоз сцеп дышл, из депо маленькой станции Земетчино Московско-Рязанской железной дороги раздавалось по всей округе:

— Эх, дубинушка, ухнем!..

Но однажды... Однажды к Свистунову подошёл токарь Коротнев.

— Товарищ/ мастер,— сказал он,— а ведь можно сделать так, что всего-навсего один человек будет снимать и ставить дышла. Вот смотри-те...— И он развернул перед мастером лист бумаги.

— Вот что, парень, — похлопав Коротнева по плечу, ответил мастер. —

Но Коротнев не послушался. Втайне от Свистунова он мастерил свою машину. И вот наступил день, когда она была готова. Там, где раньше требовалось присутствие всего персонала ремонтного цеха, теперь свободно управлялся один человек.

— Молодец Коротнев! — переговаривались рабочие. — Дельную штуку сообразил!

До начальника депо весточка об изобретении дошла несколько необычным путём.

— Что-то тихо у нас в депо стало? — спросил он председателя местного комитета Кочеткова. — Раньше, бывало, с утра до вечера «Эх, ухнем!», а теперь не слышать...

Председатель месткома поведал об изобретении молодого токаря начальнику депо тов. Мыскину.

— Молодец Коротнев! — моментально среагировал Мыскин. — Передай ему пламенный привет!

Узнал об изобретении и мастер Свистунов. Он прошёлся вокруг машины Коротнева и глубоко-мысленно изрёк:

— Ишь ты! Изобрёл! Та-а-ак!..
А ну, зови людей сюда! — приказал он копошившемуся у паровоза молоденькому парнишке. — Быстро!

— Навались-ка, ребята! — при-
бравшимся. — Убрать неположенный

Свистунов самостоятельно проследил за погрузкой изобретения на платформу с металлоломом и, удовлетворённый, возвратился в цех, бормоча себе под нос:

— Так-то оно лучше будет...

Через два дня начальник депо, войдя в цех, увидел знакомую картину: рабочие дружно наваливались на ваги, и под закопчённые своды депо несся бравый голос Свистунова:

— Эх, дубинушка, ухнем!..

— Что за ерунда! — поморщился Мыскин. — Вы что это делаете?

— Дышла снимаем!

— А почему не используете изобретение?

— Делом нужно заниматься, а не изобретать, — отозвался Свистунов. — А так, — Свистунов кивнул на ваги, ломы и кувалды, — сподручнее.

— Да ты знаешь,— разгневался Мышкин,— что я несколько ночей не спал, докладную об изобретении писал, разные слова выискивал! И выходит, зря? Не уважаешь труд начальства...

«А может, оно и впрямь так сподручнее? — задумался Мыскин. — Дубинушка, она штука проверенная: ухнешь разок, другой, а там, глядишь, сама пойдёт».

И, успокоившись, вышел из цеха.

А. ДОКУЧАЕВ,
А. НЕСТЕРОВ

огда в квартире на-
верху усиленно задвига-
ли стульями, конст-
руктор Владимир Констан-
тинович Тихомиров ото-
рвался от расчётов и на-
сторожился. Он снял
очки, подслеповато жму-
рясь, протёр их и, сно-
ва оседлав переносицу,
с тревогой глянул на по-
толок:

— Поздравляю, кажется, начинают!
— Не басы так сильно, сына разбудишь! —
отозвалась из другого угла комнаты жена, Ан-
на Глебовна. Она сидела на тахте, поджав под
себя ноги, поминутно отбрасывала назад на-
висавшие на глаза белокурые локоны и с нож-
ницами в руках осваивала выкройку из «Работ-
ницы». — Вечно ты предполагаешь самое худ-
шее. Это дети играют стульями в «паровоз».

— Ты ещё не научилась понимать здешнюю
азбуку морзе, — возразил муж. — Когда иг-
рают дети, они двигают свои «паровозы» по
всей комнате без нажима. А сейчас стулья тя-
жело скрежещут посреди комнаты. Значит,
увесистые гости размещаются за столом... Не
дадут мне сегодня поработать, чуёт моё
сердце!

Владимир Константинович безнадежно вздох-
нул и поворошил без того взерошенную
шевелюру. Но всё же он придвинул настоль-
ную лампу поближе к себе и, покусывая ка-
рандаш, попытался углубиться в расчёты: про-
ект, который он делал, не ждал — сроки под-
пирали. Полчаса в комнате слышались только
шелест переворачиваемых страниц да поэв-
кивание ножниц. А сверху, подобно отдаён-
ному грому, нарастал рокот. Как сорвавшийся
с цепи звероподобный полкан, рывкнула ра-
диола, кто-то зашаркал по паркету, донесли
нестройные песнопения, смех, от которого
слегка дребезжали стёкла.

— Да, ты прав, там очередной праздник, —
согласилась Анна Глебовна и досадливо по-
морщилась. — На какие шиши пьют люди? По
займу, что ли, выигрывают? Три месяца тут
живём, и чуть ли не каждый день такие орги-
и. О-о! Под «Голубку» гопака отхватывают!..

Супруги ещё помолчали. Владимир Констан-
тинович морщил лоб, двигал губами, помогая
расчётам, но, как ни старался подавить раз-
дражение, не выдержал, бросил карандаш.

— Ни бельмеса не получается! Два на два
множишь — выходит четыре с половиной! —
Он поднялся из-за стола и заходил по комна-
те. — Вот поселились здесь на свою голову.
Как было спокойно в нашей старой комнатке!
Сядешь работать, вокруг тебя первозданная
тишина. А тут живёшь, как в бочке: по крышке
целый день барабаны, скребут, шаркают. Да
ещё вот такие взрывы веселья в придачу!..
О, чёрт возьми, разошлись! Когда они там
начинают на головах ходить, так хоть бы
шапки надевали, чтобы внизу не так сильно
отдавалось!

Вдруг в коридоре в мусоропроводе раздался
звон и треск, точно сверху туда бросили це-
лый поднос с посудой. В комнату, как ошпа-
ренная, влетела взерошенная кошка. Из
спальни послышался испуганный детский го-
лос:

— Мама!

Анна Глебовна метнулась на зов, за ней
поспешил и Владимир Константинович. Пока
мать укутывала и успокаивала сына, отец ре-
шал мучительный вопрос:

— Зачем они лошадей водкой поят?

— Каких лошадей? — не поняла жена.

— Ну разве может так топтать человек?
В один прекрасный момент они ухнут к нам,
а мы не готовы к встрече гостей...

— Ах, тебе ещё хочется болтать глупости!
Ты лучше сходил бы к ним.

— Это зачем же? Ради удовольствия по-
скандалить с пьяными?

— Ты не скандаль. Вежливо попроси не сту-
чать и вернись.

— С чем придёшь, с тем и уйдёшь.

А грохот над головой всё возрастал. Будто
над Тихомировыми по мосту с бешеной ско-
ростью пронёсся бесконечный товарный со-
став. Битый час возилась Анна Глебовна с сы-
ном, не желавшим засыпать под эту небесную
музыку, пообещала замазать ему глаза тестом,
если он будет их тарашить, но тщетно. Вко-
нец измученная, она взмолилась:

В. КУКАНОВ ЭТАЖИ

Рисунок Е. Щеглова

— Ну сходи же, сходи! Так ведь они нам
ночь в египетскую пытку превратят!

Тронутый мольбами и страдальческим видом
жены, Владимир Константинович накинул на
плечи пиджак и, как был в домашних шлёпан-
цах, отправился наверх.

После третьего звонка буря веселья за сте-
ной несколько улеглась, и перед Владимиром
Константиновичем распахнулась дверь. Его
встретил сам хозяин, Фёдор Фёдорович Уда-
лов, крепкий мужчина средних лет, с квадрат-
ным подбородком. При виде незваного гостя
хозяин встал на пороге, запустил руки в кар-
маны брюк и спросил зычным баритоном:

— А-а, кажется, сосед? В чём дело, мой до-
рогой?

Владимир Константинович ответил насколько
мог миролюбиво:

— Я пришёл попросить вас потише топтать...
плясать, что ли... Нам, знаете, слышно.

— Ну и слушайте на здоровье, — резко за-
звучал баритон, — мы не стесняемся, пьём на
свои.

Выглядывавшие из-за спины хозяина гости
оценили этот ответ и легонько загоготали.
Лицо Владимира Константиновича порозовело.
Он сверху вниз смотрел на свежепробывав-
шуюся плешинку Удалова, ему захотелось
пришлёрпнуть по ней ладонью и строго сказать:
«Цыц! Держись приличней!». Но он крепился.

— Мне надо работать, ребёнку спать, —
терпеливо объяснял он, — а тут грохот —
мёртвого разбудит. Поймите, что уже пол-
ночь, людям вообще пора на покой.

— Ну, хватит мне тут морали читать! Понят-
но? — ошетинился Удалов. — Сегодня имени-
ны моей дочери. Могу я по этому случаю по-
веселиться в своё удовольствие? Могу! Понят-
но? Людочка, иди-ка сюда, дочка!..

Гости подтолкнули к отцу белокурую девоч-
ку с красным бантом и с куклой в руках. Ви-
новница буйного торжества была в том воз-
расте, когда свободно под стол пешком хо-
дят. Клики гостей, ещё чокавшихся где-то в
глубине квартиры, заставляли её вздрагивать.
Она тарашила сонные глазёнки, не понимая,
почему её сегодня так долго не кладут спать
и зачем это столпотворение в их доме.

— Попроси, детка, этого нервного дядю
оставить нас в покое и не портить тебе празд-
ник, — величественно произнёс чадолюбивый
папаша.

— Вы сами-то дайте ей покой, бедняжке,
замучили до смерти! — покачал головой Вла-
димир Константинович.

— Это, милейший, не ваша печаль, — пари-
ровал хозяин, бросая на пришельца взгляд...
Впрочем, трудно было сказать что-нибудь
определённое об этом взгляде. Когда Влади-
мир Константинович заглянул в помутневшие
голубые глаза Удалова, он вдруг заметил, что
зрачки его смотрят как-то так, в разные сто-
роны.

«Он вроде зайца: ничего перед собой не ви-
дит, или, наоборот, у него в глазах два чело-
века, — подумал Владимир Константинович. —
Что же я с ним разговор веду?»

И всё-таки у него вырвалось:

— Но, послушайте, сегодня у вас именины,
в воскресенье выходной отмечали, там ещё
что-то, и всё вот с такой дикой пляской. Под
вами жить нельзя! Держались бы вы в каких-
нибудь рамках...

— Я вам не портрет, чтобы в рамке дер-
жаться! Понятно? Не в вашей квартире пляшу,
а в своей. Понятно? У меня такая натура:
надо мне сплестись — спляшу, надо топнуть —
топну! И плюю на всё с седьмого этажа!

Трах! Дверь захлопнулась перед самым но-
сом Владимира Константиновича.

Когда он вернулся домой, тяжеловесный со-
став над их головами грохотал с ещё большей
силой.

— Эх, ответить бы ему тем же! — погро-
зила кулаком в потолок Анна Глебовна. —
Пусть бы он прочувствовал, каково всё это
терпеть.

— На потолке сплестись?.. — невесело улыб-
нулся муж. — Чтобы мы могли отплатить ему
той же монетой, нужно дом переворачивать.
А после этого ещё привыкнуть, как он, «плевать
на всё с седьмого этажа...» Я пойду к нему ут-
ром, когда он протрезвится, и попытаюсь до-
копаться до его совести. Есть же она у него
где-нибудь?..

Утром, перед уходом на работу, Владимир
Константинович решил осуществить своё на-
мерение. Настроив себя на самый деликат-
ный тон разговора с нарушителем покоя, он
уже поднялся на площадку перед квартирой
Удалова, когда внимание его привлёк разго-
вор на площадке этажом выше.

— Что вам приспичило своим ремонтом ни
свет, ни зарю заниматься! — гудел зычный,
сиплый баритон. — Люди ещё спят, а вы, как
дятел, тюкаете.

— Ну, кто уж теперь спит, одни ушли на
работу, другие собираются, — примирительно
отвечал мягкий старческий тенорок. — Да я
вроде бы легонько постукиваю...

— Вам тут, конечно, кажется легонько, а
нам внизу эти постукивания, как гвозди в
голову!

«Ба! А ведь это Удалов! — застыл на месте
от неожиданности Владимир Константинович. —
Да, его голосок, только загустел после вче-
рашнего...»

— Видишь, мил человек, несколько паркетин
у меня оказались с сучками, — оправдывался
тенорок наверху. — День у меня сегодня сво-
бодный, я и решил их заменить. Такая уж у
меня натура: люблю, чтобы во всём порядок
был. Мне и осталось-то раз — другой стукнуть...

— Попробуй, стукни! Я домоуправа при-
веду! Мы дочь поздно уложили, ей сейчас
спать надо...

Тенорок тоже зазвучал пожестьче:

— А ты меня не пужай домоуправом, я хоть
и стар, да не робкого десятка. Ещё не извест-
но, на кого надо домоуправу-то жаловаться.
Иди-ка, мил человек, сначала лик свой умой,
а то, видно, ты без футляра спал, помятый он
у тебя...

Трах! И дверь захлопнулась.

Владимиру Константиновичу уже не хоте-
лось докапываться до совести Удалова.

Поэт и РЕКЛАМА

В писательских сферах забили тревогу:
Прилавок с поэтом шагает не в ногу!
На лирику явно понизился спрос!
Решили решить наболевший вопрос.
Созвали, учтя положение это,
Консилиум всех продавцов и поэтов.
Прорвался к трибуне Аркадий Обильный —
Поэт, по рецензиям, крупный и сильный.
— У вас, — он сказал в интонациях

колких, —
Слышал я, поэты пылятся на полках!
(И верно, оратора сборник последний
На полке справлял юбилей пятилетний.)
Стихи не берут! Ну, а в чём же, однако,
Зарыта, простите за грубость, собака!
Стихами торгуете вы без волнения,

Без страсти, без поисков, без вдохновенья!
Не вижу у вас я ни мысли, ни чувства,
Стихи продавать — это тоже искусство!

И старых и малых должны вы уметь
Ловить, я сказал бы, в торговую сеть.
Должны вы стихи декламировать вслух —
Ведь наш покупатель к поэзии глух!
Итак, призываю друзей-продавцов:
Творите, дерзайте в конце-то концов!

Не ведаю, громкие читки стихов ли,
Что были новаторством в книжной торговле,

Особый подход продавцов ли причиной, —
Читатель пошёл в магазины лавиной.
Стихи раскупались, скажу вам. И даже
Хороших стихов не хватало в продаже.
Но с книжкой Обильного «Ясный трезвон»
Из кожи, казалось бы, вылезли вон.
Читали её продавцы с выраженьем,
Пытались её продавать с приложением.
И что ж! Если раньше читатель, рискуя,
И брал по незнанию книжонку, другую,
То нынче, заранее знакомясь с товаром,
«Трезвон» этот брать перестали и даром.

Товарищ Обильный, я выскажусь прямо:
Коль плохи стихи, не поможет реклама.

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА.

В ОДНОМ ЛЕСПРОМХОЗЕ

1. Пища у лесорубов всегда горячая.

2. Продукты под рукой.

3. Есть где помыться.

4. В деле бытового обслуживания тоже всё в порядке.

5. Культрарбота на высоте.

6. И всё-таки они недовольны и уходят с нашего участка.

«К УЖИНУ БУДУ ДОМА»

Председатель колхоза «13 лет Октября» Борис Иванович Лесневский поглядывает на асфальтированное шоссе. Лесневского предупредили по телефону из районного центра о том, что к нему едет гость. Вот-вот должна показаться «Победа».

«Опять кто-нибудь из уполномоченных», — думает председатель и уже заранее знает, о чём его будут спрашивать. Приезжий занесёт ответы председателя колхоза в записную книжку, пожмёт руки, пожелает успехов в работе и уедет. А завтра с утра опять жди звонка из районного центра: «Прими, Борис Иванович, нового гостя».

Вскочив из тени развесистых берёз, «Победа» остановилась у здания правления.

— Вы председатель колхоза «13 лет Октября»? — открыв дверцу, спрашивает солидный человек в темном драповом пальто. — Вот и хорошо, встретились. Я уполномоченный из Гомеля.

Уполномоченный вышел из машины.

— Небось, трудно работать? Так, так... Верю, что трудно. Сейчас, брат, надо... э-э... засучив рукава... как говорится, не покладая рук.

Перешагнув через лужу, приезжий спрашивает:

— Куда поведёте: на ферму или в правление?

У председателя колхоза безразличное выражение лица. Он видит, что помощи от уполномоченного ждать нечего, поэтому председателю всё равно, куда его вести. На ферму, так на ферму, в правление, так в правление.

Идут на ферму. Уполномоченный на ходу делает замечания.

— Хорошо бы, — рассуждает он, — крышу животноводческих помещений покрыть черепицей! Вообще черепица лучше, чем солома. А свинарник неплохо бы покрасить масляной краской. Крашеные свинарники лучше некрашенных.

И председателю колхоза и зоотехнику хорошо известны эти прописные истины. Но хочешь не хочешь, а слушать их надо. Ведь товарищ из области приехал для того, чтобы дать мудрые указания.

— А как у вас с надоем молока? Много ли свинины сдали государству? А как с птицеводством? А какой настриг шерсти на сто гектаров земельных угодий? — продолжает тем временем заполнять свой вопросник уполномоченный.

Увы, ответ на последний вопрос не понравился обследователю.

— Пятьдесят килограммов шерсти на сто гектаров? — строго переспросил он. — Мало. Ваша неотложная задача — увеличить настриг шерсти с каждой коровы.

— Коровы?

— Ну да, разве я оговорился?

После такого разъяснения председатель ждёт только одного — когда уедет уполномоченный. На счастье, тот недолго задерживается в правлении колхоза. Он взял нужные ему цифры и был таков.

«В полном разгаре страда деревенская...» Вот тут-то и нужен хороший хозяйский глаз председателя колхоза, агронома. А их-то как раз и нет на полях. Командиры колхозного производства стоят у обочины асфальтированного шоссе и нетерпеливо поглядывают вдаль. Из районного центра позвонили и предупредили, что в колхоз выехал ещё один уполномоченный, но уже не из области, а из Минска. И вот, наконец, подходит машина.

— Здравствуйте!

— Здравствуйте.

— Ну, как у вас?..

Не дослушав вопросов нового уполномоченного, Лесневский одним духом выпаливает:

— Сто двадцать гектаров. За семь — восемь рабочих дней. В этом году две тысячи пятьсот килограммов молока от каждой фуражной коровы. Настриг шерсти — пятьдесят килограммов на сто гектаров земельных угодий. Подкормку применяем.

Наполовину высунувшись из машины, уполномоченный торопливо записывает ответы председателя колхоза. Затем он, устремив глубокомысленный взор куда-то в пространство, думает: вылезать из машины или, попрощавшись,

захлопнуть дверцу машины и укатить восвояси. Последнее решение минский уполномоченный считает более мудрым, и машина исчезает вдаль. Борис Иванович Лесневский облегчённо вздыхает. Этот проездный долгот не расспрашивал, а следовательно, не отнял много времени. Председатель колхоза идёт на поля: наконец-то можно поработать!

А вечером на собрании партийного актива района рокотал, подобно весеннему прому, баритон уполномоченного:

— Я призываю... Все как один... Не теряя ни минуты... Возьмитесь по-боевому!..

Внимательно выслушав выступление уполномоченного из Минска, партийный актив района уразумел «неведомые» до этого истины: что солнце утром появляется в восточной части горизонта, а на ночь скрывается в западной, что на Северном и Южном полюсах намного холоднее, нежели в тропическом поясе, что раз посеяли культуру, значит, нужно её убирать.

После собрания председатель колхоза «13 лет Октября» чуть ли не слёзно умолял руководителей района, чтобы они изменили маршрут поездок уполномоченных из Минска и Гомеля:

— Ведь в районе тридцать шесть колхозов. Почему только ко мне мчатся «Победы»?

— Не можем, — ответили председателю колхоза. — Посмотрите товарищ уполномоченный по карте, что к тебе, Борис Иванович, ведёт асфальтированное шоссе, и едет, не спрашивая нас.

Прочтя эту зарисовку с натуры, некоторые уполномоченные, посетившие злосчастный колхоз, спросят:

— Позвольте, на кого вы намекаете?

Естественно, нарисованный нами портрет

несколько окариатурен, но в нём найдут некоторое сходство с собой многие обследователи: и работник ЦК КП Белоруссии А. Захаров, приезжавший из Минска, и заместитель председателя Гомельского облисполкома Клименко, и заместитель заведующего сельхозотделом Гомельского обкома партии Батаров, и руководящие работники Городешкой МТС Вахрушев и Шмигель.

Уполномоченные едут только в ближайшие колхозы, мимо которых проходит асфальтированное шоссе. Но их вовсе не тянет в отдалённые, глубинные сельхозартели. Ну какая же это поездка! Ни малейшего удовольствия! И дорога ухабистая, и времени на переезд надо много, и ночевать приходится в деревне без особого комфорта.

Руководителей минских и гомельских организаций почему-то нисколько не смущает то, что их представители выбирают для обследования только пригородные колхозы, связанные с городом хорошим шоссе. А нельзя ли для прогулок подальше выбрать закоулок? Почему остаётся забытой глубинка, которая особенно нуждается в совете опытного руководителя? А почему от уполномоченных не требуют, чтобы они умели не только спрашивать, но и отвечать на вопросы хлеборобов и глубоко знали сельское хозяйство: приезжали бы не на несколько часов, а на такой срок, в который можно серьёзно помочь колхозу?

В некоторых минских и гомельских учреждениях не задумываются над всем этим. Поставлены штамп и печать, появилась соответствующая подпись, и человек, получивший предписание о командировке, не долго думая, катит в ближайший колхоз.

— Я ненадолго, — говорит он жене. — К ужину буду дома.

Ем. КАРКЛИН

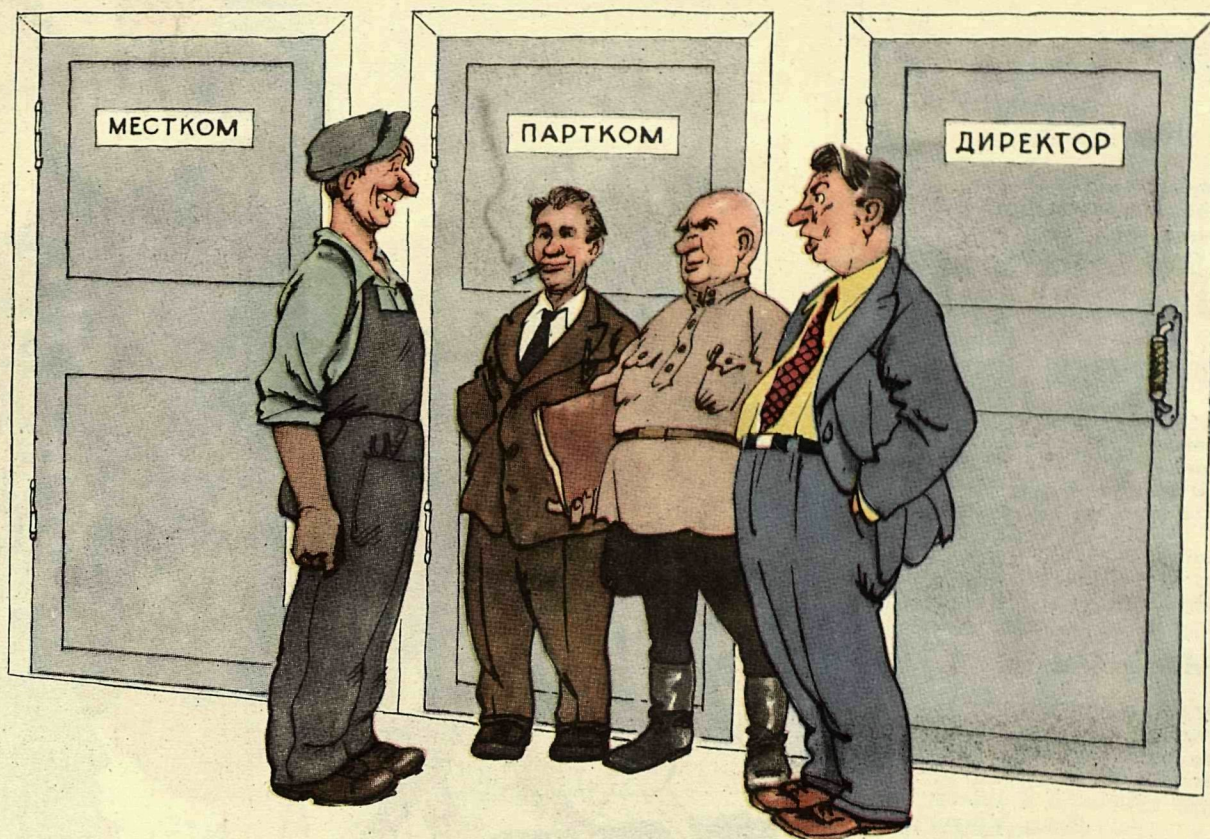
Рогачевский район,
Гомельской области.

Рисунок К. ЕЛИСЕЕВА.

— Лекторов в нашем посёлке не бывает, культотдел спит, ну, мне и карты в руки.

— Ты что же так часто стал прогуливать? Если не хочется работать, так и скажи, дадим отпуск.

Кто прямолинейно проводит

(Сообщения Телеграфного Агентства Крокодила (ТАК) и наших читателей-корреспондентов)

НА БОЛЬШИХ СКОРОСТЯХ

ЗЫРЯНОВСК (Восточно-Казахстанская область). Недавно комбайнеры Соловьёвской МТС Иванов и Никитин в необычно торжественной обстановке продемонстрировали свою готовность к уборке урожая. Демонстрация была организована на комбайне, который совершил пробег по маршруту: Соловьёвская МТС — колхоз имени Кирова — Зырянская селекционная станция — Зыряновск (магазин № 2) — Соловьёвская МТС. Весь путь — сорок километров — был пройден всего с двумя заправками.

Первый раз комбайн заправили горючим в колхозе имени Кирова, а второй раз горючим заправились сами комбайнеры в Зыряновске, в магазине № 2. Опыт комбайнеров Иванова и Никитина доказал полную возможность использовать комбайны на больших скоростях в качестве легкового транспорта. (Наш читатель-корреспондент П. Щуплов.)

ГАСТРОЛИ АНСАМБЛЯ АГРОНОМОВ

НОВО-ВИЛЬНЯ (Литовская ССР). Здесь, в Мицкунской МТС, с успехом гастролирует ансамбль специалистов сельско-

го хозяйства. Участники ансамбля — директор МТС Волченко, главный агроном Шубко, старший зоотехник Васильева, агрономы Цадко и Симанавичюс — постоянно живут в столице республики или в районном центре и навещают МТС, будто на гастроли едут.

Недавно ансамбль пополнился квалифицированными агрономами и зоотехниками: Черниловой, Обымахо, Гладышевой и Шевченко. Закреплённые за колхозами Ново-Вильнянского района, они сразу зарекомендовали себя как опытные гастролёры, ухитряясь по неделям не бывать в колхозах. Творческие искания ансамб-

ля, к сожалению, не получили до сих пор заслуженной оценки взыскательных критиков Вильнюса. (Наш читатель-корреспондент В. Павлов.)

ПО СПОСОБУ ЗАМОРАЖИВАНИЯ

СТАВРОПОЛЬ (Куйбышевская область). В течение двух лет группа учёных Московского инженерно-строительного института вела научно-исследовательские работы на строительстве Куйбышевской гидроэлектростанции.

Представители института занимались, между прочим, изучением эффективности способа замораживания. Покинув зимой прошлого года площадку Куйбышевгидростроя, учёные оставили на месте склад, помещение лаборатории, гараж, материалы и оборудование. Всё это имущество на сумму свыше ста тысяч рублей вместе со сторожем Семёном Яковлевичем Шкробатько было заморожено.

Эксперимент замораживания ценных материалов и живого человека блестяще себя оправдал. Вещи находятся в полной сохранности: их никто не забирает, их никому не передают. Сторож Шкробатько, несмотря на то, что седьмой месяц не получает заработной платы, также сохраняет бодрость духа и в беседе с корреспондентом ТАК заявил:

— Ради науки я готов на любые жертвы.

Заявление сторожа Шкробатько, несомненно, вдохновит дирекцию Московского инженерно-строительного института на новые научные эксперименты. (ТАК.)

ЛЕКЦИИ ДЛЯ ПРОФАКТИВА

КАЛИНИН. Заводской комитет профсоюза на Калининском вагоностроительном заводе ассигновал пять тысяч пятьсот рублей на учёбу профсоюзного актива.

Благодаря инициативе председателя завкома Петухова в ведомость на оплату прочитанных лекций удалось включить людей, никогда в жизни не выступавших с лекциями: председателя цехового комитета полускатного цеха Быкова, кладовщицу Дворца культуры Евдокимову, работницу жилищно-коммунального отдела Лебедеву и многих других. Все эти лица впервые узнали о том, что читали лекции для профактива, только из расчётной ведомости. (Наш читатель-корреспондент А. Корольков.)

ДРОВА ЯСЛЯМ

ЭПИГРАММЫ

В ПОРЯДКЕ УТОЧНЕНИЯ

Его поклонники, усердствуя весьма,
Твердят, что у него «особый склад ума».
Масштабу точному значение придавая,
Скажу для точности: не склад, а кладовая!

БЕЗ ЛИШНИХ СЛОВ

«Нет слов, чтоб выразить...», «Нет слов, чтоб передать»,
«Нет слов, чтоб высказать...».
— Хвалю тебя за честность!
Зачем, однако же, талант свой утруждать
И лезть, коль нету слов, в изящную словесность!!

БЕЗ ЧУВСТВА МЕРЫ

Он полн собой, как парус ветром,
Он ценит каждый свой стишок.
Ужель себя считает мэтром
Сей поэтический вершок!!

Эмиль КРОТКИЙ

ЕГО МЕТОД

Свои труды он просто увеличивал:
Чужие мысли брал и раскавычивал.

Борис ТИМОФЕЕВ

Рисунок А. КАНЕВСКОГО.

Обыкновенные

ДВЕ СТОРОНЫ ОДНОЙ МЕДАЛИ

Когда-то, в старые времена, — сказали нам в Шахунском райкоме партии, Горьковской области, — деревня Мелешиха сгорела. Во избежание новых пожаров старики дали обет: ежегодно отмечать эту дату большим гуляньем и никому целый день не работать.

Как нам удалось выяснить, ни обет, ни противопожарный праздник не помогли: деревня горела ещё два раза.

— А праздник остался? — спросили мы.

— Остался, — вздохнули товарищи из райкома. — Режут нас без ножа эти праздники!

Есть в Шахунском районе и ещё один местный праздник с лирическим и нежным названием «Коровьи слёзы». О нём не упоминается ни в каких календарях, и происхождение его туманно: возможно, грустные переживания крупного рогатого скота были вызваны бывшим здесь когда-то падежом. Теперь о падеже и думать забыли. А праздник, увековечивший коровью печаль, отмечается до сих пор.

Нам показалось странным, чтобы в наши дни кто-то мог придавать серьёзное значение таким наивным предрассудкам.

— Разумеется, — согласились в райкоме. — Ну кто же верит таким глупостям? Народ у нас хороший, растущий, правда, есть и отсталые люди. Да что греха таить: и лодырей ещё немало. А лодырь, он знает: если просто рабочий день прогулять, — попадёт. Он и приспособливается, ложное благочестие на себя напускает: я, мол, верующий, я хочу праздновать. А проспится после недельного прогула — и, смотришь, такой сознательный, что дальше некуда.

Рассказ о том, что в страдную пору можно безнаказанно прогуливать по целым неделям, нас несколько озадачил. Товарищи из райкома, заметив наше изумление, усмехнулись:

— А вы понаблюдайте сами. Завтра престольный праздник, и хотя в районе мало кто в церковь пойдёт, но в трёх деревнях любители выпить отметят свой бывший престольный праздник. Начнут в Лужайках, на другой день перекочают в Большие Белолуги, пьют и там и тут. На третий день гуляют в Мелешихе. Смотришь, недели и нет. Кстати, завтра недалеко от Белолугов, в Куликах, намечено большое собрание. Поезжайте-ка туда с секретарём райкома по зоне МТС Трусовым.

СОБРАНИЕ ОТМЕНЯЕТСЯ

На другое утро мы катили в райкомовском газике по направлению к селу Большие Кулики.

— Небось, там заждались нас, — с озабоченным видом говорил тов. Трусов. — Надо поживее провести собрание. Старый председатель не справился со своим делом, нового выбирать будем.

Однако в Куликах выражение озабоченности сошло с лица тов. Трусова, сменившись растерянностью. В селе нас встретили только отчаянно лаявшие собаки, и никаких признаков колхозного собрания мы не обнаружили. Сбегав в контору и пошарив по пустой улице, тов. Трусов с трудом разыскал трёх человек, которые чистосердечно пояснили ему:

— Сегодня праздник. И лучше не ждите, ни одна живая душа не придёт. Это уж точно. Кто ж в такой день бросит гостей, выпивку, закуску и пойдёт на собрание?!

Обратно мы ехали мимо Белолугов. По главной улице деревни носились велосипедисты в шелковых рубашках, во всех домах и садах захлебывались баяны, хрипели патефоны, лились нестройные песни. Особенно громкие и разудалые песни слышались из окон колхозного бригадира Квашнина. Сам бригадир сидел у окна, и цвет его лица затмевал стоявшую на подоконнике герань.

НЕ ХУЖЕ ДРУГИХ...

На четвёртый день бывшего престольного праздника нам довелось побывать в деревне Мелешихе. Здесь стоял дым коромыслом. Вдоль деревни шатались сильно подвыпившие парни, щедро сыпля отборные выражения. Отдельно от них нарядные, по-городскому одетые девушки прогуливались шеренгой, лениво распевая томные романсы.

Мы подошли к ним. На вопрос, почему же они сегодня не в поле, девушки дружелюбно ответили:

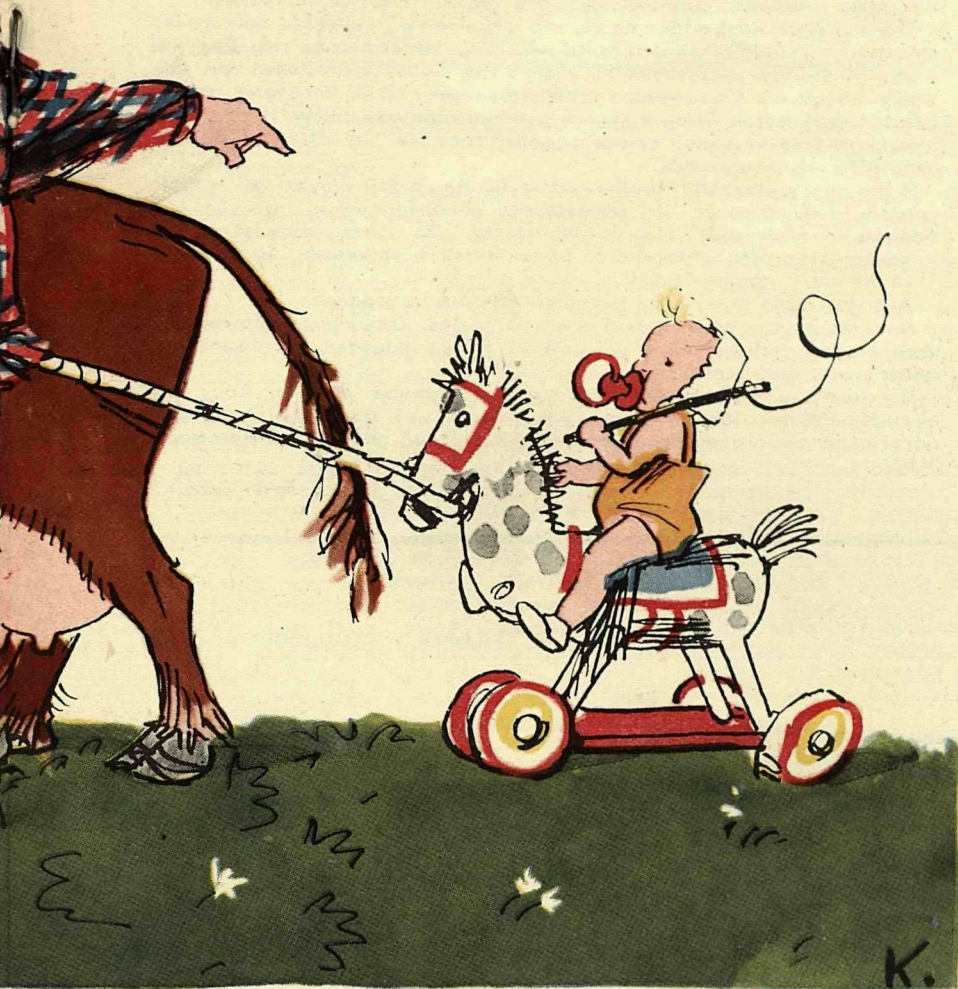
— Все не работают, и мы не работаем. Все бы вышли в поле, и мы бы вышли.

И тут девушки закричали хором:

— Мы разве против? Это мы от скуки. Ну как же нам по-другому гулять? Куда денешься?.. Кинопредвижка? Забыли, когда она и приехала. Радио нет, лекторы по колхозам не любят ездить.

— А где пастух?
— Да вот же, на коне...

Чудеса

— Где председатель колхоза Березин? — спросили мы у старичка в бархатном жилете, расположившегося подремать на ступеньках пустой колхозной конторы.

— Степан Иванович? В Гусево пошёл, в гости.

— А заместитель?

— А кто его знает! Сейчас никого не найдёшь, гуляем не хуже людей... И завтра будем гулять: суббота — не работа. На той неделе, может, зайдёте. А то постучите к Чиркину, бригадиру, сегодня он нами командует.

Мы долго стучали в дверь, за которой слышались визг гармошки, зычные голоса и могучий топот сапог. Мы уже хотели было уходить, как дверь неожиданно распахнулась и на улицу выскочила развесёлая молодка.

— Чиркин будет сегодня в конторе?

Если бы мы спросили, не намерен ли Чиркин сегодня слетать на луну, и то молодка удивилась бы гораздо меньше.

— В конто-ору? Да что вы! Он и плясать-то сегодня не может, а то в контору!..

Тут за дверью послышался страшный грохот и падение чего-то тяжёлого.

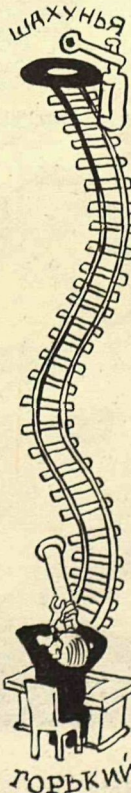
— Дробя у него не получают, — участливо заметила молодка, — как сделает выходку, так и летит на пол.

Обратно в Шахунью мы шли просёлочной дорогой, мимо чахлой, непрополотой кукурузы и хилого льна, как вдруг взгляду представилась картина, принятая нами за мираж. На клеверном поле стоял парень в красной рубашке и старательно налаживал косу. Мы нерешительно приблизились к нему.

— Я не здешний, — весело отозвался парень. — Я из соседней деревни, Красномайский. А вы видите, женщины косят, они из Гусева. Помогать нас сюда позвали. Уж так просили! Покос, вишь, у них большой: девяносто шесть гектаров клевера надо снять, а они (он разумел Мелешиху) ещё и не начинали.

Мимо нас промчалась трёхтонка. В кузове, качаясь, стоял гармонист, лихо растягивая меха. Орава людей ехала в город догуливать.

— Хорошо бы в районной газете их проташить! — мечтательно сказал парень. — Да не любит наша газета бороться с пережитками.

ВИЛЫ В БОК

ИСКУСНИЦА

«Когда в делах — я от веселий прячусь,
Когда дурачиться — дурачусь,
А смешивать два эти ремесла
Есть тьма искусников, я не из их числа».

Так говаривал Чацкий. Кого он включал в вышеозначенную «тьму искусников», нам доподлинно не известно, но в наше время он непременно причислил бы к ним заместителя заведующего Саратовским горно тов. Богомазову.

Во всяком случае, когда Крокодил обратился в Саратовский горно по делу — послал на рассмотрение жалобу, — тов. Богомазова решила пошутить и прислала редакции такой игривый ответ:

«На Ваш № К 28785/83 от 12 июля 1955 г. Саратовский Городской Отдел Народного Образования сообщает, что факты, изложенные в письме, по указанному адресу не проживают и среди родителей учащихся школы не значатся».

Понятно? Нет! Смешно? Пожалуй! Крокодил и посмеялся. Но как быть с жалобой?

Не лучше ли всё-таки тов. Богомазовой придерживаться правила, рекомендованного Чацким: не смешивать дела с «весельями». Герой Грибоедова был человеком «вольноопределяющимся», а тов. Богомазова занимает довольно ответственный пост, где шутки не всегда уместны.

СОГЛАСНО СПРАВКЕ...

— Прогулял? — сердито спросил начальник шахты имени Дзержинского тов. Осипенко у горного мастера Гуленко. — Пиши объяснение! И виноватый написал:

«Я был в нетрезвом состоянии, на работу не успел.

Потому и произошёл прогул».

— Придётся наказаты! — нахмурился начальник шахты. И распорядился перевести прогульщика Гуленко в замерщики газа.

Походил прогульщик две декады в замерщиках, подсчитал, что ему это ой как невыгодно, и отправился за утешением к главному врачу Дзержинской районной поликлиники тов. Матиенко. И вышел от него с вполне утешительной бумагой: так, мол, и так, в день прогула Гуленко Василий был на приеме и освобождён от работы по болезни.

Другой начальник шахты, вероятно, потребовал бы в связи с этим объяснений и у прогульщика и у мягкосердечного доктора. А тов. Осипенко никаких таких формальностей не признаёт. Просто взял покающую записку Гуленко и начертал на полях новую резолюцию:

«Согласно справке, считать причину уважительной. Приказ отменить».

И, по дивному стечению обстоятельств, эта резолюция пришлась akurat против гуленковского признания: «Я был в нетрезвом состоянии...»

И. ЖИЛЬЦОВ

РАЗГОВОР ПО ДУШАМ

В Шахунском райисполкоме мы тщетно пытались найти председателя местного отделения Общества по распространению политических и научных знаний. Оказалось, что председателя (им был секретарь райкома комсомола Комаров) только что сняли с этого поста, а заменить его нечем: все, кто мог справиться с такой работой, категорически отказываются.

— Мы, конечно, по научно-атеистической пропаганде работаем из рук вон плохо, — откровенно признался бывший председатель Комаров. — Но что же сделаешь почти без всякой помощи? В нынешнем году не было у нас ни одного приезжего лектора по научно-атеистической пропаганде, а вот в прошлом году приезжал из Горького сектор Владимир. Так он четыре лекции прочёл в городе, одну в пригороде и одну, после долгих уговариваний, с обидами и претензиями, удостоил прочесть в селе Чёрное.

Больше тов. Комаров ничего не смог сказать ни о своих, ни о горьковских, ни тем более о московских лекторах.

* * *

От Шахуньи до Москвы 680 километров, а до Горького — 240. Город расположен рядом с железнодорожной станцией. Ежедневно там останавливаются поезда дальнего следования, и в каждом есть мягкие вагоны.

Сообщаем эти сведения руководящим работникам Горьковского областного отдела культуры и областного лекционного бюро. Но особенно просим запомнить эти данные руководителям Министерства культуры СССР и Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний. Как ни странно, Горьковская область числится в Обществе «не на плохом счету» и даже считается по части научно-атеистической пропаганды «лучше многих других».

Если желающих поехать туда окажется слишком много, это не беда: часть товарищей можно направить и в другие районы этой же области. Пусть съездят! Им легко будет убедиться, что и в Ветлуге, и в Семёнове, и в Урени есть такие же чудеса, как те, которые мы видели в сёлах Шахунского района.

Специальный корреспондент Крокодила
Ольга ПОЗДНЕВА

Горьковская область.

ПОВТОРНОЕ ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

МИНИСТРУ ГОРОДСКОГО И СЕЛЬСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА РСФСР
тов. НЕФЁДОВУ С. Ф.

Уважаемый Сергей Фокиевич!

Извините, но я снова должен вас потревожить.

С декабря 1954 года я веду наблюдение за ходом строительства Каширской опорно-показательной МТС.

В мае этого года я вынужден был взять под своё наблюдение и то, как выполняется решение коллегии министерства о строительстве Каширской опорно-показательной МТС.

Дабы облегчить мне мою работу по контролю, вы распорядились прислать в редакцию копию приказа № 369. Этим приказом вы сурово наказали виновных медленного и плохого строительства Каширской МТС. И тут же категорически установили окончательные сроки сдачи строительных объектов МТС.

Издав приказ, вы посчитали свою миссию выполненной. Да и у меня, по правде сказать, создалось впечатление, что строительство пойдёт полным ходом.

Прошло несколько месяцев, я снова прочёл приказ № 369 и увидел, что он написан по принципу: «Замахнись, да не ударь».

Правда, вы замахнулись: сняли с работы тогдашнего начальника Мособлстроя тов. Сквитина, объявили выговор бывшему управляющему Серпуховским стройтрестом тов. Фарафонову. А дальше?.. Миновали все «окончательные сроки», прошли июнь, июль и август... Ни один из объектов, перечисленных вами в приказе, не был сдан.

Я недавно побывал на строительной площадке Каширской опорно-показательной МТС и, признаться, очень обрадовался, когда увидел, что водонапорная башня уже очистилась от лесов. Но радость была преждевременной. Оказалось, леса просто-напросто украли. Очевидно, на дрова. А во всём остальном я не заметил никаких изменений. Всё стояло на месте: и два жилых дома со своими 50 недоделками и неоконченный резервуар для воды. Рядом с недостроенным клубом-лекторием замерли транспортёр и бетономешалка. Простаивали каменщики, плотники, монтажники... Всё стояло, Сергей Фокиевич!

Однако грех жаловаться на то, что стройке не уделяется достаточно внимания. Тут побывали и главный инженер Мособлстроя тов. Дедуник и начальник производственного отдела тов. Хорьков, побывал тов. Михалев, начальник Ступинского стройуправления № 3, которому подчинён теперь участок. Были и другие руководящие товарищи. Но от посещения этих начальников сумма данных госкомиссии объектов Каширской МТС не изменилась.

Я не могу сказать, чтобы восьмой по счёту начальник стройучастка, тов. Королёв, не возмущался неполадками и строительным браком, оставленным ему в наследство. По утрам, останавливаясь у какого-либо недостроенного объекта, он патетически восклицает:

— Не могу пройти мимо!

А потом идёт в контору и пишет акты на недоделки.

Никаких других признаков деятельности тов. Королёва на строительном участке Каширской МТС мне во время поездки, к сожалению, обнаружить не удалось.

Вот поэтому я и написал ещё одно, повторное письмо. Хочу надеяться, Сергей Фокиевич, что следующее моё послание будет уже посвящено окончанию строительства Каширской опорно-показательной МТС.

КРОКОДИЛ

Художники-оформители зачастую иллюстрируют книги, не вникая в смысл произведений.

Рисунок Л. САМОЙЛОВА (г. Рига).

КНИЖНЫЙ ЖУК

ЕДИНСТВЕННЫЙ в своём роде

— Кто за? — говорит председатель. — Прошу встать.

Встаёт весь зал.

— Единогласно, — перешёптываются журналисты в своей ложе. — Поразительно!

— Кто против? — спрашивает председатель. — Прошу встать.

Встаёт один человек. Он стоит среди зала. Все сидят, а он стоит. Нет, он даже не стоит. Он торчит одинокой жердью. На него смотрят с изумлением. Соседи отодвигаются. Пустота вокруг него увеличивается. Проходят секунды, замедляя свой бег. А он стоит. Наверно, ему кажется, что он подобен утёсу, гордо стоящему среди бушующих волн. Но нет волн, ничто не бушует. Просто все сидят, а он стоит.

Постепенно удивление сменяется смешливостью. Соседи прячут улыбки, но в местах для зрителей хихикают. Стоящий чувствует, что он смешон. Поскорей бы сесть! Но это тоже смешно. Надо сесть с достоинством. И он, выдержав паузу, раздвигает фалды своего сюртука и величественно садится.

Он слышит смех, когда выходит из зала. Он убеждён, что смеются над ним. Он садится в машину — в гудке сигнала он слышит ядовитый смех. Шофёр смотрит вперёд — ему кажется, что шофёр с трудом притворяется серьёзным, что вот-вот он взорвётся хохотом. Но что шофёр! Завтра будут смеяться все читатели газет. После-

завтра расхохотутся во всём мире. Он мысленно читает заголовки в газетах:

«Все сидят, Маккарти стоит!»

«Один Маккарти против всего сената!»

«Все говорят Эйзенхауэру: да! Маккарти говорит: нет!»

«Все шагают не в ногу, Маккарти в ногу!»

«В ногу с самим собой!»

Дома, сорвав с себя сюртук и разбив несколько стаканов с прохладительной водой, Маккарти вспоминает, как всё произошло. Обсуждалась политика делегации США в Женеве. Сенаторы одобряли. Они были за продолжение мирных переговоров. Ораторы отмечали, что в Женеве была создана новая политическая обстановка, дающая возможность предотвратить третью мировую войну.

Маккарти сидел, слушал и закипал, как чайник на бурном огне. Вот уже что-то стало шуметь в его сердце, вот забулькало в нём, вот повалил из него пар... Ещё минута, и он взорвался бы...

Ему представили слово. Он не говорил, а гремел. Он был сразу Цицероном и Демосфеном.

Он обвинял Эйзенхауэра и Даллеса в том, что они «обманули» американский народ, что они «предали» чанкайшистов, что они содействуют «делу тирании». Он кричал, что Женева знаменует «полный распад» капиталистического мира.

Он ещё никогда не кричал так яростно, ещё никогда пена не пузырилась столь густо на его губах... О, какая это была речь!

И что же? Ни одного хлопка. Ни одного одобрительного слова, ни одной улыбки сочувствия. Все молчали, как будто всем было неловко, как будто в зале сената совершилось какое-то неприличие.

Маккарти искал в глазах соседей застенного согласия. Все отводили глаза в сторону. Маккарти взглянул на своего друга и единомышленника, соратника в борьбе с «красными» сенатора Ноулэнда. Но и Ноулэнд делал вид, что чем-то занят, и не смотрел в сторону Маккарти.

«И ты, Брут!» — мысленно сказал Маккарти и застегнул свой сюртук на все пуговицы.

— Не огорчайся, Джо, — говорила верная супруга, прикладывая холодный компресс к лысине почтенного сенатора, — ещё не всё потеряно, нельзя падать духом. Ты единственный в своём роде, — ворковала она, пуская в ход грубую лезть. — Ты можешь стать реликвией, ископаемым. Наука высоко ценит такие экземпляры, единственные в своём роде.

Ещё один стакан с прохладительной водой разлетелся брызгами стекла.

МакАндрон

Американский журнал «Кольерс» бьёт тревогу. В номере от 19 августа журнал стал подавать отчаянные сигналы бедствия. Делли и Фердинанд Кун с нескрываемым ужасом оповещают мир о том, что страны Азии постигло кошмарное несчастье. Зловещие слова «смертельная опасность» мелькают на протяжении всей их пространной статьи. Потрясённые авторы утверждают, что непоправимая катастрофа, от которой кровь стынет в жилах, обрушилась на азиатские государства врасплох и что она «пронеслась через старую Азию, как огонь в прериях или смерч».

Что же на самом деле стряслось? Может быть, все двенадцать азиатских стран, о которых пишут, болея душой, чувствительные Куны, стали жертвой невиданной силы мора, тайфуна, землетрясения, налёта саранчи?

Нет, все эти беды не волновали бы так обоих Кунов. То, что происходит в странах Азии, по мнению авторов, куда опасней, чем мор, уносящий миллионы жизней.

— Слушайте, — говорят бледные от страха Куны, — в странах Азии мы наблюдали огромную, всё нарастающую тягу к просвещению.

И, боясь, видимо, что их панический испуг может оказаться непонятным даже ко всему привыкшим читателям «Кольерса», Куны приводят, так сказать, вещественные доказательства. Пожалуйста, вот вам факты и фотодокументы. Убеждайтесь сами, как всё это ужасно.

На одной из фотографий изображены индийские дети с сверкающими от радости глазами: у них первый урок в новой школе. Среди

фактов есть такие: в индийской деревне Самодун, где живут только «неприкасаемые», население создаёт свою школу. В одном из глухих уголков Азии бедняки-крестьяне покупают, сложившись, учебные пособия.

Все эти факты и документы действительно волнуют читателей. Как чудесна и могуча тяга к знаниям! Разве можно сомневаться в том, что она обрадует каждого честного американца? Кому же не известно, что американский народ по природе своей гуманен и что он глубоко уважает культуру?

Но одно дело — американский народ, и другое дело — Куны. Эти знатные путешественники по Азии никак не могут прийти в себя от возмущения.

— Нет, посмотрите, какая дерзость! — кричат они со страниц журнала «Кольерс». — Дети в азиатских странах будут учиться! Этого ещё не хватало!

Они пишут: «Вот возглас, который слышен из пустынь Ирана и джунглей Индо-Китая: «Мы хотим в школу!»

Не боясь показаться смешными, Куны берут на себя роль библейских пророков, древнегреческих пифий или просто диких шаманов. Они предсказывают, что тысячи бедствий обрушатся на головы непочтительных азиатов, которые захотели учиться, в то время как это вовсе не устраивает некоторых американских путешественников. Они уверяют, будто «интеллектуальный яд» (именно такой термин применяют Куны) отравит и погубит бедных турецких, индийских, тайландских и бирман-

ских мальчиков и девочек. Они заклинают народы азиатских стран опомниться, пока не поздно, отказаться от просвещения и покорно вкушать сладчайшие блага неграмотности.

Путешественники типа Кунов с удовольствием бы сожгли гимназии и упразднили науки, подражая глуповскому губернатору из бессмертной повести Салтыкова-Щедрина.

Куны, однако, понимают, что такой путь невозможен. Поэтому они согласны на компромисс:

— Ну, уж если вы сами себя не жалуете, так и быть, учитесь. Только договоримся: пусть все азиаты обучаются в школах колонизаторов. Так-то будет надёжнее.

Почему же надёжнее?

Куны — из тех зубров, которые ещё думают, что с населением Азии можно не церемониться. Поэтому путешественники пишут без обиняков, что учёба в отечественных школах губительна. Народы азиатских стран — страшно подумать о столь трагической их судьбе! — «научатся думать за себя».

Надо полагать, однако, что народы Азии не испугаются столь прозорной опасности. Пропагандисты «Кольерса» поздно спохватились. Люди азиатских стран уже научились думать за себя. И они знают цену поучениям шаманов, которые, мечтая о возвращении колониального рабства, проповедуют, будто невежество — великое счастье в сравнении с «ужасами» просвещения и свободы.

Юр. ЧАПЛЫГИН

ДВАДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ И ОДИН

Да здравствуют наши курорты! И шапку долой перед мудростью матери-природы, которая придумала целебные источники! Что ни говорите, а люди в конце концов — такие несовершенные существа, что даже свой собственный организм часто не уважают. Один, скажем, напивается; другой портит себе лёгкие; третий трясётся над своим здоровьем, отчего, как известно, расслабляется сердце; четвёртый приобретает ревматизм, а вместе с ним и счастливую способность предсказывать погоду...

Вот и решила мать-природа: дай-ка я для немощных устрой ремонтные мастерские. Пусть, дескать, попивают целебную водицу, парят ноги в горячих источниках и укутывают в грязь своё бренное тело те, кто решил вспомнить о собственном здоровье.

Хотя, по правде сказать, особых чудес ожидать здесь нельзя. Ни зубы на курорте не вырастут новые, ни голос хороший не вернётся, если ты его уже потерял. Но уж если кто, одержимый идеей о частном секторе производства, начал в собственных внутренностях каменные карьеры разрабатывать, такого-то курорт, конечно, излечит от нездоровых тенденций!

Что же до нашего дяди Петара, то он, двигаясь по жизненному пути, расстроил свою нервную систему. «Отправляйтесь-ка на курорт», — посоветовали ему врачи.

Мы в самом оптимистическом настроении проводили его на курорт. А когда дядя Петар вернулся оттуда, видим, совсем пропал человек, нет и следа от ремонта симпатикуса, или как он там называется. А хуже всего то, что дядя Петар ругательски ругает теперь курорты и, так сказать, ведёт антиприродную пропаганду. «Сами, — говорит, — взгляните, до чего меня эти ваши курорты довели!»

И впрямь, вместо того, чтобы успокоить свои нервы, он теперь всё подмигивает левым глазом и без всяких причин постоянно пожимает одним плечом.

Мы, понятно, удивляемся, как это могло произойти. Посылали человека на поправку, а он после этого начал вздрагивать, как сорока в оттепель. Что-то здесь неладно!

И вот как-то дядя Петар объяснил нам, в чём дело.

Прибыл он на курорт и едва сошёл с поезда, как его кто-то схватил за плечи.

— Стоп, — говорит, — не шевелитесь, сейчас будет готово.

Смотрит дядя Петар, что это за фокусы, а тот сыплет, как заведённый:

— Сейчас вас сфотографирую, у меня моментальная фотография и точная, будете выглядеть симпатичнее Ага Хана.

Дядя Петар аж задрожал, так было ущемлено его республиканское достоинство; но только собрался он что-то сказать, а кто-то другой уже тянет его за рукав и шипит:

— Они только и знают: Ага Хан да Ага Хан! Лучше у меня снимитесь, будете, как королевич Марко!

— Дьяволы фотографические! — вскричал дядя Петар. — Что я вам дался? Не Ага Хан я и не королевич Марко. Петар я, и уж ежели сниматься, то хочу иметь свою физиономию.

Тут его кто-то дёргает сзади за пальто.

— Не слушайте их, — шепчет третья личность с фотоаппаратом в руке, — они в бога не веруют, а я-то вам мигом снимок сделаю, будете настоящим святым Петром. И сразу же сможете семье документ послать: жив, мол, и здоров, прибыл на курорт.

Дядя Петар возмутился:

— Да что вы меня обступили? Не желаю я сниматься, не верю я в святого Петра, и документ мне этот ни к чему.

Но фотографии навалились, отталкивают друг друга, ругаются, и каждый расхваливает свою фирму. Дядя Петар стал беспокоиться за чемоданы.

— Снимайте уж, — говорит, — если без этого нельзя, только оставьте в покое мои чемоданы. Не желаю я выглядеть ни как Ага Хан, ни как святой Пётр, хочу быть как королевич Марко.

Он приосанился, и — щёлк! — фотография готова.

Затем он без особых происшествий добрался до гостиницы, занял номер, а потом спустился к завтраку.

Но едва он принялся за еду, как кто-то окликнул его сзади. Он обернулся. Опять фотограф. Да ещё улыбается.

— Не сделаем ли, старина, хорошую фотографию на память?

Дядя Петар даже поперхнулся:

— Опоздал, братец, я уже на станции снялся.

— На станции? — презрительно фыркнул фотограф. — Разве это память о курорте? Эдак вы можете на любой станции сняться, а здесь другое дело. Снимок должен свидетельствовать о ходе быстрого выздоровления.

Дядя Петар вздохнул и нервно повёл плечом:

— Тогда снимай, брат.

...Улёгшись отдыхать, дядя Петар подытоживал события дня: приехал, разместился, сфотографировался — всё в порядке; завтра можно будет заняться лечением расстроенных нервов.

Бедный дядя Петар! Не знал он ещё, что на этом маленьком курорте одновременно обитают двадцать четыре фотографа. Две дюжины ревностных служителей этого искусства, которые спасают нас от забвения потомством, две дюжины заядлых охотников, дежурящих на всех курортных перекрёстках! И уж совсем не мог он предполагать, что утром, отправившись на процедуры, он окажется у судьи в связи с нарушением общественного порядка...

Шёл он своей дорогой, раздумывая о человеческих недугах, и вдруг перед ним возник сразу добрый десяток фотографов. Они внезапно вынырнули из-за кустов и деревьев и навели на невинную жертву свои разнокалиберные аппараты. Дядя Петар начал звать на помощь прохожих. Но те, заведя фотографов, тотчас поворачивались спинами и скрывались в ближней рощице. Часть фотографов помчалась по их следам, а оставшиеся столпились вокруг дяди Петара с явно агрессивными намерениями. Что ему оставалось делать? Он беспомощно развёл руками:

— Снимайте, чтоб вам пусто было!

Но тут же произошла свалка: фотографы начали спорить, кто именно будет его фотографировать. Они поносили друг друга, обзывали так и эдак, каждый кричал другому, что тот дилетант и неуч. В общем, дело дошло до кулаков.

Тут подоспела милиция, и всех их забрали за нарушение порядка. Дядю Петара повели в качестве свидетеля.

От судьи он вышел совершенно надломленный. В ванне стал жаловаться на свою судьбу. Сосед парился и сочувственно кивал головой. Затем сказал:

— Да, эти фотографы невыносимы. И хоть бы умели снимать! А вот вы заходите ко мне, увидите, какую я вам сделаю роскошную фотографию!

Дядя Петар почувствовал, что начинает тонуть...

Позже к нему приходили ещё семь фотографов с целью продать ему снимок, на котором было запечатлено, как дядю Петара в последний момент извлекают из воды.

Дядя Петар долго не возвращался к себе в номер. Он находился чуть ли не в состоянии буйного помешательства, воображая себя королевичем Марко, который воюет с фотографами.

А когда он наконец вернулся к себе, ему нанесли визит. Вошёл некий неизвестный и начал трогательно:

— Дорогой мой, ясно, что вы долго не протянете. Что ж, с судьбой спорить бесполезно. Но уж если уходить из этого прекрасного мира, то оставьте ему хоть память о себе. Разрешите сфотографировать вас в этот предсмертный час, ведь завтра уже может оказаться поздно...

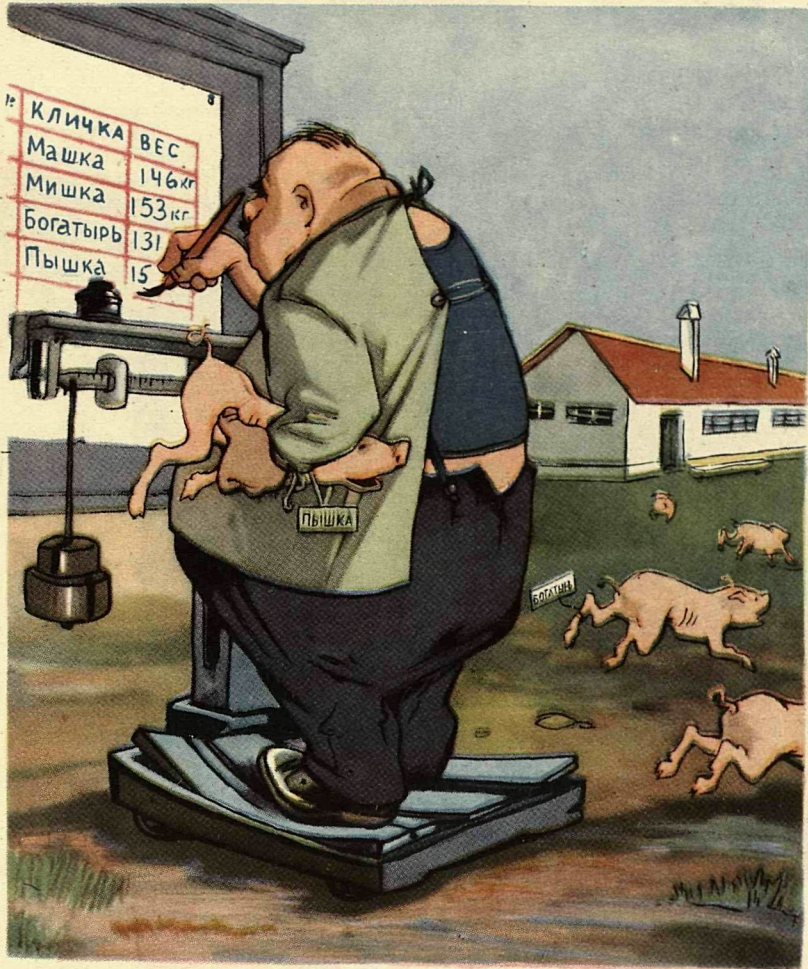
Я уже сказал, каким вернулся с курорта дядя Петар. На него жалко смотреть. И, возможно, я когда-нибудь сфотографирую его на память. Боюсь только, что это ему кое о чём напомнит.

А что он теперь курорты ругает, так это очень субъективная точка зрения. Слава богу, курорты наши помогают лечиться, спору нет. И уж, конечно, никто не может опасаться, что бесследно исчезнет из жизни.

Из югославской газеты «Борба».
Перевёл с сербско-хорватского

Г. КАРПИНСКИЙ.

Рисунок В. ПОДПОМОГОВА.

Иные заведующие фермами вот так добиваются увеличения живого веса свиней...

Рисунок П. МАЛАЯНА и В. ПОДПОМОГОВА.

ЗАВЕДУЮЩИЙ ФЕРМОЙ:— Жена, скорее помоги, не то голодная скотина оставит нас без зелени к обеду!

Вл. ИВАНОВ

ГРОМ И МОЛНИЯ

Стручков! Вы слышали о нём!
И кстати и некстати
Его хвалили день за днём
И устно и в печати:
«Стручков — орёл! Передовик!
Герой! Новатор знатный!..»
И он хвале внимать привык
С улыбкой приятной.
Ему почёт! Ему привет!
Расте его успехам!..

Однажды наш герой в обед
Плыл горделиво цехом.
Он на виду всегда у всех,
Вот то-то и оно-то!..
Но что такое!
Шум и смех
У ближнего пролёта!
— А! Вышла «Молния». Ну-ну!
Кому-то жару дали! —
Стручков решил: «Пойду взгляну,
Кого намалевали!»
Был грозен «Молнии» удар.
Стручков заметил кисло:
— Ну и рисуночек! Кошмар!
Ни выдумки, ни смысла.
«Портрет зазнайки наших лет». —
Берёт досада только.
К мазне художника поэт
Стишки состряпал бойко:
«Кто он! Ответьте на вопрос!
Задрал Зазнайку кверху нос!
Во всей фигуре торжество,
Он горд великой славой.
Но слава громкая его
Давненько стала ржавою!»

Стручков вскипел от этих строк,
К редактору пришёл он:
— Здесь явный на меня намёк! —
Кричит он, спеси полон. —
Ко мне за опытом придут,
Моё известно имя.
Придут к новатору, а тут
Зазнайка перед ними!
Позор! Неслыханный скандал,
Угробили Стручкова...

Редактор «Молнии» сказал:
— Дозволь-ка молвить слово.
Совсем не ты изображён,
Хоть и близка раскраска.
— А кто же!
— Пигалев Семён
С четвёртого участка!

...Зазнайки есть. Глядишь, они
В цеху горды и дома.
Стручкову нашему сродни,
Ждут... молнии и грома!..

КАК НИ СТРАННО, НО...

...в посёлке Амдерма, Архангельской области, уже полгода нет парикмахерской. Жители посёлка неоднократно обращались по этому вопросу в исполком райсовета, поселковый Совет, но без результата. Теперь уже не только мужское население посёлка, но и жалобы обросли бородой.

* * *

...Гавриловский райком партии Тамбовской области получил перевод из города Кирсанова от автохозяйства на... семь копеек. Уж за такими аккуратными людьми ни копейки не пропадёт. Правда, перевод стóит 60 копеек, да стóит ли с этим считаться? Оказывается, и копеечная аккуратность требует расходов!

— Небось, теперь, сынок, ты совсем меня забудешь?

— Ну что ты, мама! А кто же будет заботиться обо мне и о моей жене?..

СЛУШАЛИ — ПОСТАНОВИЛИ

Заседание, если только так можно назвать конфиденциальную беседу двух лиц, временно прервалось. Семён Александрович Пчелов и Алексей Никифорович Никифоров задумались. Да и в самом деле, задача перед ними стояла трудная. Им, руководителям отдела труда и заработной платы и отдела кад-

ров Канашского вагоноремонтного завода, предстояло осуществить директиву о сокращении аппарата заводоуправления. Впрочем, так формулировалась проблема в целом, фактически же она состояла из ряда частных задач. И решение каждой из них требовало немалого мастерства.

— Однако давайте искать выход по каждой кандидатуре в отдельности, — прервал паузу Семён Александрович.

— Давайте, — бодро отозвался Алексей Никифорович.

И работа быстро пошла на лад.

Если бы на этом заседании велся протокол, он выглядел бы примерно так:

СЛУШАЛИ:

1) О сокращении должности старшего бухгалтера главной бухгалтерии Софронова А. С.

2) О рационализации аппарата, в связи со слиянием некоторых цехов:

а) Об освобождении от исполнения своих обязанностей начальника ресурсно-пружинного цеха Шуплыгина Г. В.

б) Об освобождении от исполнения своих обязанностей старшего бухгалтера ресурсно-пружинного цеха Гурьянова И. М.

3) Об электромонтёре ремонтно-комплекточного цеха Алексееве А. А.

4) О приёмщице ОТК деревообделочного цеха Чекменовой А. М.

5) О приёмщице ОТК механического цеха Спиридоновой К. И.

6) О сокращении штатов отделов заводоуправления.

ПОСТАНОВИЛИ:

1) В связи с сокращением аппарата дополнительно ввести в штат жилищно-коммунального отдела должность инженера-экономиста, назначив на неё Софронова А. С. с оставлением его на прежней работе в бухгалтерии.

2а) Выдумать должность второго заместителя начальника цеха подготовки вагонов и поручить её исполнение Шуплыгину Г. В.

2б) Считать, что старшему бухгалтеру механического цеха якобы нужен заместитель. Зачислить на эту должность Гурьянова И. М.

3) Как растущему работнику, поручить Алексееву А. А. ведение сводками в отделе главного электрика.

4) Перевести Чекменову А. М. в библиотеку.

5) Назначить Спиридонову К. И. на должность инженера-экономиста планового отдела с временным исполнением обязанностей картотечника в отделе снабжения.

6) Дополнить штаты отделов следующими должностями: планового отдела — инженера-экономиста; финансового — юрисконсульта; кадров — библиотекаря; главного энергетика — техника; жилищно-коммунального — инженера-экономиста и бухгалтера.

Дело явно шло к концу. Остались пустяки: исключить из штатов всех конструкторов, чертежников и лаборантов и зачислить их в «неиспеченный состав», монтеров телефонной станции перевести из заводоуправления в энергосиловой цех, а подлежащих сокращению заводских складов переименовать в раздатчиков. На всё это потребовалось всего несколько минут.

И, наконец, взялись за последнюю по счету, но отнюдь не последнюю по своей важности задачу: требовалось так составить приказ о реорганизации аппарата, выпустить там такого тумана, чтобы суть понять было трудно, а общее впечатление оставалось хорошим. И что же вы думаете? Пчелов и Никифоров с этой задачей успешно справились. На-

чальник завода тов. Волчков вмиг подписал приказ. Вполне довольны остались и руководители Главного управления локомотиворемонтными и вагоноремонтными заводами. В своём протоколе, в графе «Постановили», они записали: «Считать директиву о сокращении штатов выполненной».

Л. РОМАНОВ

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

Много хлопот было тов. Тимашиевой с подготовкой к приёму зерна! Она, как директор приёмного пункта в г. Уфе (Башкирская контора «Центрозаготзерно»), приложила немало стараний, чтобы сделать въезд в главные ворота пункта действительно парадным.

Здесь всё есть: объявления, предупреждения, пламенные призывы. И подъезд к этим воротам асфальтирован, и площадка для отбора проб устроена. Смуцает только одна деталь — доска, которая легла поперёк ворот, как раз под тёплым приветствием «Добро пожаловать!».

Пользоваться столь любезным приглашением нам удаётся только... с «чёрного хода», да и то не всегда: в дождливую погоду наши машины, тяжело гружённые зерном, подолгу буксуют у немощёного въезда.

— Ну, если радушно принимают, то это ещё полбеды, — скажешь ты. — Не смотри на лицо, а смотри на обывай!

Но в том-то и дело, дорогой Крокодил, что принимать хлебосдатчиков должным образом не в обычае этого пункта. Есть на пункте несколько транспортёров, но они бездействуют, а мы работаем вручную. Более двух часов простаивают наши машины на разгрузке.

КРОКОДИЛ ПОМОГ

♦ В заметке «Вагон неприятностей» (Крокодил № 19) рассказывалось о том, что на станции Кременец Львовской железной дороги для отправки молодёжи на целинные земли был подан грязный и необорудованный вагон.

По сообщению Министерства путей сообщения, за плохую подготовку вагонов заместителю начальника станции Молчанову объявлен строгий выговор.

(По неопубликованным письмам)

♦ В посёлке Верхний (БАССР) из-за отсутствия средств прекратилось строительство клуба. Жители посёлка написали об этом Крокодилу.

В настоящее время для окончания строительства клуба выделены дополнительные средства.

♦ В посёлке Каспийском (Астраханская область) детская библиотека ютилась в непригодном для неё помещении. Читатели просили Крокодил оказать библиотеке помощь.

Исполком Астраханского облсовета сообщил редакции, что библиотеке выделено благоустроенное помещение.

♦ Заведующий животноводческой фермой колхоза имени Сталина (Старо-Шайговский район, Мордовской АССР) тов. Притворов присваивал корма, принадлежащие ферме. Колхозники написали об этом в Крокодил.

Мордовский областной комитет КПСС сообщил редакции, что от работы на ферме Притворов освобождён, за убытки, нанесённые колхозу, с него взыскано 3465 рублей.

Дорогой Крокодил!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Вот и получается: с одной стороны — «Добро пожаловать!», а с другой — «добро, выращенному на колхозных полях, пожаловать сюда не так-то просто!»

Х. ДУЛАТОВ

г. Уфа,
Башкирская АССР.

УВАЖАЕМЫЙ КРОКОДИЛ!

Что, по-твоему, должен делать человек, получивший ордер на квартиру со всеми удобствами в новом доме? Радоваться и устраиваться на новом месте, ответить ты. Так и сделали мы, жильцы новых домов, воздвигнутых трестом «Базстрой» в Краснотурьинске.

Но, увы, радовались мы недолго. Буквально в первые же дни новоселья стены, потолки и прочие аксессуары новостройки начали вести себя довольно странно: штукатурка с потолков полетела вниз, паркет, наоборот, полз вверх, краска со стен, окон и дверей самостоятельно начала сползать большими лоскутами...

О плохой работе строителей не раз писала наша городская газета, выносились решения горкома, но критика отскакивает от руководителей треста, как штукатурка от потолка.

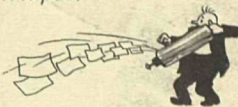
Так что, если тебе будут давать квартиру в новом доме, погоди радоваться. Узнай сначала, кто его строил. Если не «Базстрой», тогда радуйся!

В. КОЛОБОВ,
сотрудник газеты
«Заря Урала».

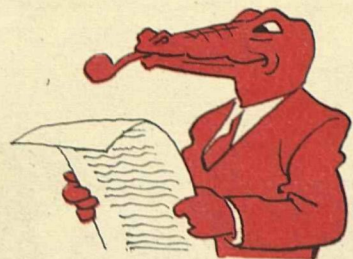
г. Краснотурьинск,
Свердловской области.

ТОВАРИЩ КРОКОДИЛ

Бумагу, как тебе известно, никак нельзя причислить к противопожарным средствам. Даже если на этой бумаге изложены самые горячие мысли и высказывания о вреде пожаров. Больше того: бумага сама хорошо горит. И тушить огонь полезнее не бумагой, а подлинными средствами борьбы против пожаров.

Несмотря на всю очевидность этих истин, руководители Долгомостовского района полагали, что принимаемых ими бумажных резолюций вполне достаточно для борьбы с огненной стихией. И вот результат: лишь за последний год огнём были уничтожены магазин и склад сельпо, электростанция Вознесенской МТС и другие сооружения. Стихийное бедствие обрушилось

на дом секретаря райкома КПСС. А убыток только, от пожара на складе сельпо составил 550 тысяч рублей.

Столь печальные факты, видимо, несколько поколебали наивное представление упомянутых руководителей о роли бумаги в борьбе с пожарами. Собравшись снова, они констатировали, что в селе полностью отсутствуют противопожарные средства, и категорически постановили эти средства создать. И создали: построили хорошее пожарное депо.

Однако на этом благородный пыл борцов с пожарами иссяк. В пустовавшем депо сейчас удобно располагается... районная прокуратура.

Удобно располагается, но всё же как-то неудобно выходит: в случае очередного бедствия с кого, интересно знать, спросит сама районная прокуратура?

М. ПАШКОВСКИЙ

Село Долгий Мост,
Красноярского края.

ШИРОКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Рисунок А. ВАЖЕНОВА.

— Смотри-ка, пруд! Надо рыбтрест организовать!

Главный редактор — С. А. ШВЕЦОВ.

Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, В. Н. ГОРЯЕВ, Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, И. В. КОСТЮКОВ (зам. главного редактора), КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), С. Д. НАРИНЬЯНИ, И. А. РЯБОВ, Л. С. СОБОЛЕВ.

Изд-во «Правда». Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-31-37, Д 3-34-37. Приём ежедневно (кроме воскресных дней) с 13 до 17 часов.

А 04647. Изд. № 759. Подписано к печати 30/VIII 1955 г. Формат бум. 70x108½. Заказ № 2324. Тираж 600 000 экз. 1 бум. л.—2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Рисунок Бор. ЕФИМОВА.

У БАРОМЕТРА МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОГОДЫ